

ЯЗЫК НОРМОТВОРЧЕСТВА И ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

А. В. Поляков
доктор
юридических
наук,
профессор

Именно язык наиболее существенным образом отличает человека от других существ. Язык представляет собой средство человеческого общения, т. е. создания, передачи, восприятия и хранения информации. Языковая коммуникация — основа управления человеческим поведением. Язык опосредует отношения между людьми, наделяет смыслом опыт познания внешнего мира, позволяет формулировать мысли, т. е. делать их доступными для других. Никакие социальные явления не существуют вне языка и коммуникации. Право не является исключением.

Язык как средство коммуникации «живет» в текстах. Это означает, что и нормы права возможны только при наличии текста, фиксирующего какие-либо обязательные для исполнения правила поведения, которые определяют права и обязанности субъектов, вступающих между собой в отношения, и побуждающего их действовать соответствующим образом. Интересное наблюдение в рассматриваемом контексте принадлежит А. А. Ушакову. Ученый отмечал, что язык в праве изучается в аспекте правотворчества (законодательной техники), герменевтики и стилистики. Однако суть изучения роли языка Ушаков видел не в этом, а в том, чтобы рассматривать его в качестве единственного начала самого права. «Право живет как в действиях людей, так и в языке, который используется не только для его обозначения: из языка создается оно само, его структура... В рассматриваемом аспекте право — языковое явление; язык — его плоть и кровь. Возникновение, развитие и вообще существование права без языка невозможно».¹

И язык, и текст — знаковые системы. Знак можно определить как чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения. В силу этого понимание знака невозможно без выяснения его значения. Разновидностью знака является языковой знак. Под языковым знаком понимается единица языка (например, слово, словосочетание, предложение), которая обозначает предметы или явления действительности и их отношения. Текст есть связанная совокупность знаков, образующая смысловую целостность.

Понятие знака отчасти совпадает с понятием символа. Из этого следует, что право может пониматься и как символическая реальность. Символическая составляющая права не тождественна материальным знакам, но она и не существует лишь в воображении субъектов. Право возникает

¹Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Правоведение. 1991. № 2. С. 25.

как интерпретированный текст, т. е. текст, воспринятый сознанием, эмоциями и волей субъектов социального взаимодействия.

Следует иметь в виду, что текст может быть выражен как в словесных символах-знаках, так и с помощью неязыковой символики (изображений, жестов, действий). Чем дальше в глубь веков заглядывает исследователь, тем чаще он встречается с неязыковыми знаками, имеющими прямое отношение к праву. Такое значение имели, в частности, многочисленные юридические ритуалы. В настоящее время основным средством фиксации, хранения и передачи информации в ходе правовой коммуникации являются языковые знаки.

Через свою языковую форму право вносит рациональное начало в общественные отношения. Ведь правовой текст предполагает наличие у субъектов логического мышления, т. е. способности понимать и оценивать его смысл, а также сознательно действовать на основе такого понимания. Если бы никто такими способностями не обладал, то и права как специфического явления не было бы. Как уже отмечалось в литературе, язык по отношению к праву выполняет две взаимосвязанные функции: отобразительную (выражает вонне императивное предписание законодателя) и коммуникативную (доводит это предписание до сведения участников общественных отношений). Задача правовой коммуникации заключается в том, чтобы оказать воздействие на «волю и сознание людей, чтобы создать побудительные мотивы вести себя правомерно, в соответствии с требованиями правовых предписаний, используя правомочия и исполняя юридические обязанности».² Этим правовая коммуникация отличается от любой другой социальной коммуникации (например, экономической или политической).

Еще раз подчеркнем: любой законодательный текст получает правовой смысл через его восприятие и интерпретацию субъектом, но текст не ограничивается графической системой знаков, обозначающих содер-

жание какого-либо закона. Любому тексту присуще имплицитное (скрытое, неявное) содержание, причем ученые полагают, что соотношение явной и неявной информации в тексте примерно равно.³ Следовательно, человек извлекает из текста значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом и знаковом явлении. Предполагается, что «выявление... скрытой информации, объединение, согласование явной и неявной информации, т. е. “видимого текста” и “невидимого подтекста”, происходит на основе знаний об окружающем мире и языке путем логико-операциональных действий (умозаключения, логического вывода, классификации, развертывания понятий). Знание интерпретатором целей коммуникации значительно облегчает выявление скрытого смысла высказывания».⁴ Применительно к тексту законодательства это означает, что смысл акта в целом не может быть выражен исключительно теми языковыми единицами, которые составляют его текст.⁵ Данное положение важно для понимания того, каким образом происходит интерпретация (толкование) права.

Для того чтобы текст выполнял свою функцию, он должен соответствовать поставленным целям и задачам. Достигается это правильным подбором языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), соответствующих требуемому *стилю* текста.

Обычно выделяют следующие стили текстов: разговорный, художественный, публицистический, научный, официально-деловой (официально-документальный). К последнему относят и нормативно-правовой (законодательный) подстиль, выражающий специфику коммуникативных свойств нормативных правовых актов, создаваемых государством.⁶

Черты нормативно-правового стиля можно найти в самых разнообразных актах государства: и в актах нормативно-правовых,

² Пиголкин А. С. Введение // Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990. С. 8.

³ Локшина М. Д. Проблема повышения информативности законодательного текста // Там же. С. 180.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Власенко Н. А. Основы законодательной техники: Практическое руководство. Иркутск, 1995. С. 6.

и в актах правоприменительных, и в договорах, и даже в отчетах и докладных записках. Причем специфика нормативно-правового стиля проявляется не столько в специальной терминологии таких актов, сколько во внутренней организации текста.

Такому тексту присущи следующие черты:

— *Официальный характер.* Язык права — это язык официального документа, выражающего прежде всего волю государства. Форма нормативно-правовых документов не может быть произвольной. Она устанавливается государством, а язык, на котором формулируются нормативные установления, становится *государственным языком*. Это означает, что именно на этом языке пишутся и издаются законы и другие нормативные правовые акты, обязательные для всех, кому они адресуются. Законы конкретного языка в этом аспекте оказываются тесно связанными с законами юридическими.

— *Безэмоциональность.* Закон и другие нормативные правовые акты не должны выражать чьи-либо чувства, эмоции, переживания. В них не должно быть места художественным образам, высокопарным метафорам, словам, употребляемым в ярком переносном значении. Экспрессивная нейтральность — черта нормативно-правового стиля. Законодатель, как представляется, исходит из той предпосылки, что безэмоциональность отражает беспристрастность, которая является одной из основ справедливости, и для достижения последней широко использует в нормативных текстах «сухие» термины, отвечающие требованию точного и однозначного понимания.

— *Связанность и последовательность.* Любой текст есть некая целостность, предполагающая связанность образующих его элементов. В нормативно-правовом тексте не должно быть недосказанности, двусмысленности, грамматической или смысловой абсурдности. Следует также избегать повторов.

— *Ясность и простота.* Только при ясном изложении требований правовой нормы она может быть исполнена. Ясность нормативного правового акта — еще одно необходимое условие правовой коммуникации. Требования ясности является также и одним из тре-

бований законности. «Туманное и бессвязное законодательство может сделать законность недостижимой для кого бы то ни было».⁷ В законодательном тексте рекомендуется использовать, насколько это возможно, простые и понятные термины, общеупотребительные обороты, короткие фразы. Недопустимо перегружать нормативные акты усложненными грамматическими конструкциями: злоупотреблять причастными и деепричастными оборотами, сложноподчиненными предложениями со многими придаточными. В тексте следует ставить больше точек и меньше запятых, тире, двоеточий.⁸

— *Точность и определенность выражения.*

Точность и определенность нормативно-правового текста определяется степенью соответствия между идеей нормативного правового акта и языковой формой ее выражения. Точность и определенность закона позволяет исключить кривотолки и двусмысленность при его реализации. Смоделированный пример «резиновой» законодательной нормы, которая была прямой помехой для правовой коммуникации, приводил в свое время известный российский ученый Л. Петражицкий: «Служившие долгое время верой и правдой имеют право на получение от тех, которым они служили, единовременного вознаграждения достаточного размера или соответствующей пенсии».⁹ Данная норма не может регулировать соответствующие общественные отношения, так как в ней не определено, кто конкретно является субъектом рассматриваемых правовых отношений, что означает «служить верой и правдой», что такое «достаточный размер вознаграждения» и т. д. Вывод ученого гласил: «Чем неопределеннее и растяжимее смысл... соответствующих представлений... тем более... многочисленны и вредны конфликты оно способно порождать».¹⁰ При формулировании законодательной нормы необходимо исходить из того, что в законодательном тексте

⁷ Фуллер Л. Л. Мораль права. М., 2007. С. 81.

⁸ Язык закона. С. 20.

⁹ Петражицкий Л. И. Общая теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 151.

¹⁰ Там же.

нет мелочей, нет лишних слов, предлогов, знаков препинания. В законе не должно быть фраз более важных и менее важных. Требование простоты законодательства и его точности могут противоречить друг другу. Ведь стремление к точности часто влечет перегруженность формулировками, от чего страдает простота текста. Вместе с тем стремление к простоте текста закона может повлиять на его точность. Как отмечается в литературе, «следует находить золотую середину: точность и простота законодательного стиля должны слиться воедино, дополнять друг друга, не нарушая одну из главных коммуникативных функций закона — его смысл».¹¹ Следует согласиться и с тем, что «яркость и изящество внешнего выражения мысли законодателя, его красота заключаются не в использовании экспрессивных и образных средств языка, а в логической стройности, глубине и последовательности изложения, в употреблении однозначных терминов, в максимальной четкости, ясности и непротиворечивости».¹²

— *Формализм* законодательного текста выражается в унифицированности изложения. Для выражения одной и той же мысли используются одни и те же языковые конструкции, применяемые в определенной последовательности. Унифицируются внешние признаки структуры текста (рубрицирование, обозначение статей, пунктов, параграфов и т. д.), употребление сокращений, цифр и т. п.

Итак, для того чтобы право в рамках государства могло выполнять свои функции, необходимо, чтобы определенные правила поведения были зафиксированы в соответствии с необходимыми процедурами в письменных текстах. Подобная деятельность государства, направленная на создание новых текстуальных правовых норм или изменение уже существующих норм права, традиционно именуется *правотворчеством*, или *правовым нормотворчеством*.

Результат такого текстуального нормотворчества — появление специальных актов,

которые имеют обобщенное название *нормативных правовых актов*. Наиболее значимыми среди них для внутригосударственной деятельности являются *законы*. Законы принимаются специальным органом государства (в России это Государственная Дума) с соблюдением определенных процедур и обладают высшей юридической силой. Никакие иные акты государства не могут противоречить закону; закон может отменить или изменить любой нижестоящий акт. Создание законов — законотворчество — рассматривается как составная часть нормотворчества, к которому относят также деятельность по изданию подзаконных нормативно-правовых актов: указов Президента, постановлений Правительства, актов органов местного самоуправления и т. д.

Правовое нормотворчество представляет собой процесс формулирования социально значимых идей, направленных на регулирование отношений между членами общества в виде словесно оформленных и текстуально закрепленных правил поведения. Можно сказать, что это и процесс преобразования правовой информации: ее отбор, интерпретация, текстуальное выражение, процедурное закрепление, придание ей юридической силы.

Субъект нормотворчества выступает здесь как преобразователь правовой реальности, правовой жизни общества, и успех попытки такого преобразования будет зависеть от того, насколько новый правовой текст отвечает существенным условиям правовой коммуникации. Одним из подобных условий, непосредственно связанных с языком, является формулирование нормативных предписаний, которые будут единообразно поняты всеми и единообразно же исполнены. Для этого необходимо все законодательные тексты писать на общепонятном русском литературном языке. Но возможно ли это в полной мере? Многие ученые отмечают, что как написание законов, так и их толкование требует специальных знаний, является делом профессионалов, специалистов высокой квалификации, создающих собственный юридический язык, поэтому никакой общедоступности текстов законов быть не может.

¹¹ Власенко Н. А. Основы законодательной техники. С. 8.

¹² Язык закона. С. 31.

Обе позиции имеют как сторонников, так и противников. В первом случае исходят из той предпосылки, что специальный юридический язык может быть адекватно переведен на язык общераспространенный. При этом в литературе отмечается, что «переведенный» юридический текст неизбежно фальсифицируется неспециалистом, поскольку в результате «перевода» суть его ускользает. «Юридический язык — это особая система, в ней обнаруживаются свои собственные значимости, формируемые оппозициями специальных понятий и детерминацией со стороны действующего законодательства... Декодирование этого кода требует особых герменевтических презумпций, особой культуры мышления, сформированной многими поколениями людей со специальным юридическим мышлением».¹³ Использование общеупотребительных терминов взамен специальных юридических порождает лишь иллюзию понятности, а понимание в таком случае носит приблизительный характер.¹⁴ Следует признать, что стремление к упрощению юридического языка имеет свои границы. Поэтому наряду со стремлением к простоте и понятности текста необходимо иметь в виду и другой резерв для повышения эффективности правовой коммуникации — повышение уровня юридических и лингвистических знаний в области права всех членов общества.¹⁵

Искусство законодателя в техническом аспекте как раз и заключается в том, чтобы перевести на «язык права» то, что призвано служить делу упорядочения человеческих отношений. Достигается это при помощи

¹³Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика. Вып. 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004. С. 42.

¹⁴Там же. — Ср.: «Юристы понимают друг друга, но юрист и профан, даже если они говорят о своем отечественном праве, подчас с трудом могут понять друг друга. Пропасть, отделяющая образованнейшего неюриста от любого нынешнего юриста, несравненно больше, чем та, которая была бы между юристом древнего Рима и юристом английским, никогда ничего не слышавшим о римском праве» (Иеринг Р. фон. Юридическая техника. М., 2008. С. 22).

¹⁵Там же.

юридической технологии — системы знаний о средствах, приемах и методах достижения наиболее эффективной правовой коммуникации. Составной частью юридической технологии является *законодательная техника* — система правил (приемов), предназначенных для формирования законодательного текста и проведения содержащихся в нем предписаний в жизнь.

Законодательная техника — составная часть юридической техники, которая принципиально не отличается от первой, но относится ко всем правовым текстам, а не только к текстам законов. «Юридическая техника — это техника коммуникации в юридической среде».¹⁶ Подобное понимание юридической техники сложилось давно. Уже знаменитый немецкий ученый Р. фон Иеринг утверждал, что юридическая техника отвечает на вопрос, «как должно быть право независимо от его содержания устроено и образовано, чтобы оно могло благодаря своему механизму сколько возможно более упростить, облегчить и обеспечить применение правоположений к отдельному конкретному случаю».¹⁷ При этом необходимо четко понимать, подчеркивал Иеринг, что «техническое несовершенство права не есть лишь частичное несовершенство, не есть пренебрежение отдельной *стороной* права. *Техническое несовершенство представляет собой несовершенство всего права*, недостаток, тормозящий право и вредящий ему во всех его целях и задачах (курсив Иеринга. — А. П.)».¹⁸

Соответственно, к области приложения юридической техники обычно относят правотворчество, правоприменение и толкование правовых текстов.

В ракурсе рассматриваемой проблематики в структуре юридической техники прежде всего следует выделить такие важные языковые элементы, как юридические понятия (юридическая терминология) и способы толкования правовых текстов.

¹⁶Александров А. С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники: Сб. статей / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 102.

¹⁷Иеринг Р. фон. Юридическая техника. С. 32.

¹⁸Там же. С. 34.

Успех всего процесса законодательного нормотворчества во многом зависит от его технико-юридической обеспеченности. Язык нормативно-правовых предписаний представляет своего рода юридический инструмент, с помощью которого создаются наилучшие условия для правильного понимания нормативных правовых актов и их реализации в поведении субъектов. В последнее время этим вопросам уделяется все большее внимание. Разработаны и общие научные рекомендации для составления нормативных правовых актов в Российской Федерации.¹⁹

Основную роль здесь играют технические приемы использования государственного языка для формулирования нормативных предписаний законодательных актов. Для их качественного использования следует учитывать общие принципы языковой организации нормативно-правовых предписаний:

— *Количественное упрощение.* Необходимо стремиться уменьшать количество нормативного материала без вреда для его качества. Чем меньше информации, тем легче ей пользоваться. Цель — наименьшими средствами достичь наибольшего. Р. фон Иеринг называл этот принцип «законом бережливости» и видел в нем жизненное начало всякой юриспруденции.²⁰

— *Качественное упрощение.* Цель — добиться внутреннего порядка, симметрии и единства нормативного материала.²¹

Среди наиболее общих правил законодательной техники (технических рекомендаций) выделяют следующие:

¹⁹Рахманина Т. Н., Баранов В. М., Тихомиров Ю. А., Сырых В. М. Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов // Проблемы юридической техники. С. 803–815; *Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов* // Законодательная техника: Науч.-практ. пособие / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 259–271; Ант Л. Ф., Баранов В. М., Дорофеева Т. А. Методические рекомендации по использованию дефиниций в нормативных правовых актах // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Мат-лы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / Под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007. С. 1429–1434.

²⁰Иеринг Р. фон. Юридическая техника. С. 38.

²¹Там же. С. 41.

1) необходимо избегать логических противоречий, т. е. ситуаций, когда в одном и том же нормативном предписании содержались бы противоречащие друг другу положения;

2) нужно не допускать дублирования одних и тех же нормативных предписаний в разных законодательных текстах;

3) нормативное предписание, которым устанавливается какое-либо исключение из общего правила, целесообразно помещать в том законе, который содержит это общее правило;

4) нормативное предписание, которое вносит изменение в уже действующее предписание, должно сопровождаться указанием на структурную единицу и реквизиты закона, в котором содержится изменяемое предписание;

5) нормативное предписание, которое заменяет устаревшее предписание, должно сопровождаться указанием на реквизиты закона и структурную единицу, утратившую юридическую силу.²²

Техника формулирования специальных юридических понятий (терминов). В правотворческой деятельности используются три группы понятий:

1) *общеизвестные* (общеупотребительные) понятия (отец, мать, наследник, Родина, долг и т. д.);

2) *специфические* правовые понятия (юридическое лицо, субъект права, юрисдикция и т. д.);

3) *специальные* понятия (артефакт, инвестиции, инновации и т. д.).²³

Вторая группа понятий может быть отнесена к *юридическим терминам*. Термин — слово или сочетание слов, предназначенное для точного обозначения научного или специального понятия. Соответственно, юридический термин — это слово (или словосочетание), которое, будучи использовано в законодательстве, представляет собой обобщенное наименование юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличается смысловой однозначностью и функциональной устойчивостью.²⁴ Именно

²²Законодательная техника. С. 168–169.

²³Губаева Т. В. Язык и право. М., 2003. С. 52.

²⁴Язык закона. С. 65.

термины создают тот «особый чекан языка», без которого невозможно существование законодательного текста. Они составляют его смысловую основу. Как писал русский мыслитель П. А. Флоренский применительно к науке (но это актуально и для правотворческой деятельности), «слово, ходячее и неопределенное, выковать в удачный термин — это и значит решить поставленную проблему. Всякая наука — система терминов. Поэтому жизнь терминов — и есть история науки, все равно какой, естествознания ли, юриспруденции или математики... Не ищите в науке ничего кроме терминов, данных в их соотношениях: все содержание науки, как таковой, сводится именно к терминам в их связях, которые (связи) первично даются определениями терминов».²⁵

Необходимо учитывать также тесную связь юридических терминов с мировоззрением и идеологией политической элиты общества, с целями и задачами, стоящими перед ней, с общей культурой, доминирующей в данном конкретном социуме.

Для обозначения понятий (терминов) в нормативных правовых актах используются следующие приемы:²⁶

1) *словообразование* — создание нового слова при помощи словообразовательных средств русского языка: приставок, суффиксов, сложения основ (*грузополучатель, залогодержатель, работодатель*);

2) *переосмысление* — терминологизация общеупотребительного слова, формирование его нового предметного содержания (*сторона, доказательство, халатность*);

3) *сочетание слов* — передача нового понятия посредством терминологизированного словосочетания, включающего несколько слов, составляющих единое смысловое целое (*общественная опасность, явка с повинной, принятие наследства*);

4) *заимствование* — оформление мысли с помощью слов иноязычного происхождения (*акцепт, виндикация*).

Использование любого из этих приемов

требует взвешенного подхода. Создавая новое законодательное понятие, следует избегать тяжеловесных конструкций, сложных для восприятия. Требуется осторожного применения и прием переосмысления понятий. В методической литературе он часто рассматривается как нежелательный, так как затрудняет правильное осмысление в силу привычных бытовых ассоциаций.²⁷ Термины-словосочетания предпочтительнее однословных, так как позволяют более точно представить объект мысли (*служебная командировка, расторжение трудового договора, уклонение от участия в примирительных процедурах*).

Без заимствования иностранных слов в нормотворческой деятельности не обойтись, но следует избегать их немотивированного употребления. Точное значение некоторых заимствований известно не всем,²⁸ и их смысл зачастую определяется интуитивно, через практику их употребления.

Система понятий, использованных в нормативно-правовом акте, образует его терминологическую основу — *тезаурус*.

Организуя текст нормативного правового акта, законодатель может столкнуться с явлениями синонимии (несколько слов, обозначающих один и тот же объект) и полисемии (одно слово, обозначающее несколько объектов). В нормативно-правовых актах синонимия возникает при параллельном использовании нескольких слов для обозначения одного и того же предмета. Например, согласно ч. 2 ст. 1 Конституции РФ названия *Российская Федерация* и *Россия* равнозначны. Статья 94 Конституции РФ устанавливает равенство между понятиями *Федеральное Собрание* и *парламент Российской Федерации*.

В данных случаях использование синонимии оправдано, но так бывает не всегда. В литературе отмечается нежелательность грамматической синонимии, когда параллельно используются разные варианты одной и той же грамматической формы слова (например, акты «публикуются» и акты «опубликовываются»²⁹).

В нормотворческой деятельности следует

²⁵Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990. С. 229.

²⁶Излагается по работе: Губаева Т. В. Язык и право. С. 52–53.

²⁷Там же. С. 53.

²⁸Там же. С. 55.

²⁹Там же. С. 64.

избегать также многозначности и омонимии терминов. В отличие от полисемии, омонимами являются два не связанных в смысловом отношении слова, одинаково пишущихся и произносящихся. В рамках одного или нескольких тесно связанных между собой законодательных текстов наличие омонимии может повлечь серьезные трудности в восприятии законодательного текста. Такие слова, как *брак* (отношения между супругами и выпуск недоброкачественной продукции), *отвод* (сельскохозяйственных земель и отклонение кандидатуры), *ссылка* (на что-либо и вид наказания) являются типичными примерами омонимов.

Используемые в нормативном правовом акте слова должны всеми восприниматься одинаково и толковаться однообразно. Для этого рекомендуется соблюдать несколько правил:

1) использовать слова только в одном из значений, выбранном для данного нормативного правового акта, и сохранять это значение во всем тексте;

2) не применять сокращения;

3) в одних и тех же отраслях права одни и те же термины могут обозначать несовпадающие понятия только в том случае, если правовые нормы, в которых они используются, регулируют различные сферы отношений и не создают помех для юридической практики.³⁰

Техника нормативных дефиниций. Ни один нормативный правовой акт не обходится без дефиниций (определений). Под дефиницией понимается логический прием, позволяющий: 1) формулировать критерии для отличия изучаемого объекта от других объектов; 2) формировать значение вновь вводимого знакового выражения или уточнять значение имеющегося выражения.

Так как результаты изучения объектов отображаются в понятиях, дефиниции зачастую рассматриваются как формулирование в явной и сжатой форме основного содержания понятий.

Особое значение имеют дефиниции, содержащиеся в законах. Такие дефиниции

именуют *законодательными дефинициями*. В научной литературе отмечается, что «законодательная дефиниция — фундаментальная конструкционная часть всей логико-лексической архитектуры акта высшей юридической силы... фрагмент теоретического познания, который показывает, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, отграничивает от других объектов... Дефиниции позволяют обеспечить логичность и последовательность научного поиска, а с ним и правотворческого процесса. Они позволяют оградить законотворцев от поспешных популистских нормотворческих новаций, зачастую не взаимосвязанных ни с наличествующей правовой базой, ни с социальной реальностью».³¹

Потребность в законодательных дефинициях возникает, когда:

1) понятие создано путем переосмысления общеупотребительного слова либо с использованием специальной лексики (в том числе юридических терминов);

2) понятие выражается словами, которые вызывают множественные смысловые ассоциации;

3) имеется специфика понятия, определяемая целями проектируемого нормативного правового акта;

4) понятие по-разному трактуется юридической наукой и практикой.³²

Определения, в которых то, что определяется, равно тому, посредством чего определяется, называются явными. Явные аналитические определения даются через указание на родовую принадлежность и видовое отличие. Например: «*Ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении*» (п. 1 ст. 142 ГК РФ). В данном случае принадлежность ценной бумаги к документам — ее родовой признак, однако далеко не все документы являются ценными бумагами. Для того чтобы показать специфику ценных бумаг в отличие от других

³⁰Там же. С. 67.

³¹Законодательная дефиниция. С. 14–15.

³²Губаева Т. В. Язык и право. С. 68.

1. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РФ

документов, необходимо указать их видовое отличие, а именно то, что все ценные бумаги удостоверяют с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при их предъявлении.

Другой вариант законодательной дефиниции — ее построение через казуистическое перечисление всех признаков понятия. Например: «*Обстоятельствами, смягчающими административную ответственность, признаются: 1) раскаяние лица, совершившего административное правонарушение; 2) предотвращение лицом, совершившим административное правонарушение, вредных последствий административного правонарушения, добровольное возмещение причиненного ущерба или устранение причиненного вреда...*» и т. д. (ст. 4.2 КоАП РФ).

Способ определения понятия через родовой признак и видовое отличие предпочтителен. Второй вариант усложняет текст законодательства и создает предпосылки для появления пробелов. Однако от определения понятия (термина) через перечень признаков не всегда удастся отказаться. Возможно также сочетание двух упомянутых способов.

Нормативные дефиниции должны отвечать следующим требованиям:

1) в них должны фиксироваться существенные признаки. При этом следует стремиться использовать общеизвестные термины, не вызывающие сомнения в их ясности;

2) следует избегать «порочного круга», когда определение прямо или косвенно повторяет то, что уже содержится в определяемом понятии. Например, «порочный круг» содержит следующее определение: «*Юридическая ответственность — это ответственность за совершенное правонарушение*». Такую ошибку в определении называют «то же через то же». Подобные определения не раскрывают содержание понятия: если мы не знаем, что такое юридическая ответственность, то указание на то, что она наступает за совершенное правонарушение, ничего не добавит к нашим знаниям;

3) нормативные дефиниции должны быть адекватными, т. е. объемы определяемого и

определяющего понятия должны совпадать, а сами понятия — быть взаимозаменяемыми.³³

Все нормативные дефиниции, содержащиеся в нормативно-правовом акте, должны быть органично включены в механизм правового регулирования и в правовую систему общества, между ними не должно быть противоречий.

Особую роль в этом механизме играет интерпретация. Интерпретация — одно из ключевых понятий современной социальной философии, в рамках которой концепция действительности зависит от грамматических, семантических и иных правил той или иной используемой для описания мира языковой системы. Все, что нами в процессе интерпретации индивидуализируется или обобщается, описывается или объясняется, зависит от возможностей принятой системы языка. Поэтому границы интерпретации являются одновременно и границами нашего мира и смысла.³⁴

Интерпретация (толкование) правовых текстов, рассмотренная в самом широком смысле, неразрывно связана с самим правом как таковым. Социальная действительность получает правовой смысл тогда, когда она текстуально воспринимается социальным субъектом и истолковывается им как нормативно ценностная и социально правообязывающая. Следовательно, интерпретация правовых текстов включает в себя когнитивную и эмоциональную составляющие, т. е. рациональный и иррациональный уровни, и является составной частью правовой коммуникации. Как пишет английский ученый М. Зандер, «законодательная интерпретация есть частная форма общей проблемы — проблемы понимания смысла или, более широко, проблемы коммуникации. Подобно г-ну Журдену в мольеровском “Мещанине во дворянстве”, который не знал, что он говорит прозой, большинство людей, вероятно, не подозревают, в какой степени они пользуются языком, непосредственно опираясь на интерпретацию».³⁵ Поэтому следует согласиться с тем,

³³Там же. С. 69–70.

³⁴Марков Б. В. Коммуникация и интерпретация // Марков Б. В. Знаки бытия. СПб., 2001. С. 448–449.

³⁵Zander M. The Law-Making Process. London, 1985. P. 72.

что «понимание правовой деятельности как деятельности интерпретационной... приводит к пониманию первостатейной важности владения юридической техникой как умения действовать в юридической сфере».³⁶

Толкование правовых текстов в узком смысле (в его прикладном, правореализационном значении) представляет собой не социальный, а индивидуальный интеллектуальный процесс, направленный, во-первых, на установление *смысла правовых текстов* применительно к поведению правовых субъектов (уяснение права), а во-вторых, на *разъяснение* этого смысла другим субъектам правовой коммуникации (разъяснение права).

Задача интерпретатора заключается не только в уяснении и объяснении *логического* смысла правового текста, но и в *понимании* его (скрытая информация), которое дается через восприятие той культурной среды, которая «породила» сам текст.

Толкование правовых текстов (юридическая интерпретация) как уяснение их смысла — необходимый элемент любой юридической деятельности, как правотворческой, так и правореализационной. Второй же его этап — разъяснение этого смысла другим участникам правовой коммуникации — выступает на первый план при возникновении различных правовых коллизий и особенно в процессе правоприменения.

Для интерпретации правовых текстов используют различные способы. Именно существование правового текста, включающего императивные текстуальные нормы, порождает подчас определенное противоречие между формой выражения законодательного текста и его смыслом, получаемым в процессе толкования.³⁷

История правовой мысли свидетельствует о самых разнообразных точках зрения на проблему разрешения указанной дилеммы.

³⁶ *Александров А. С.* Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права. С. 106.

³⁷ По мысли М. М. Бахтина, два момента определяют текст как высказывание: его замысел (интенция) и осуществление этого замысла. Динамические взаимоотношения этих моментов, их борьба, определяют характер текста (*Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 298).

Наиболее радикальным является признание тождества воли законодателя и формы ее выражения в законе. Такой подход, по мнению известного дореволюционного юриста Е. В. Васьковского, свидетельствующий о преклонении перед словами, перед буквой закона, был свойствен народам, находящимся на низших ступенях юридического развития. «Всем необразованным народам слово, как написанное, так и торжественно произнесенное (формула), представляется чем-то таинственным; наивная вера приписывает ему сверхъестественную силу. Нигде эта вера в слово не была сильнее, чем в древнем Риме. Культ слова проходит сквозь все отношения публичной и частной жизни, религии, нравов и права... Сообразно с этим юристы древнего Рима ограничивались словесным толкованием, считая букву закона ненарушимой святыней и не доискиваясь истинной мысли и воли законодателя».³⁸ Следствием был запрет на толкование, так как господствовало мнение, что ясные по смыслу законы не требуют толкования, которое может привести лишь к их извращению. Другой известный русский юрист и историк права напоминает, что так в свое время поступил Юстиниан, а позднее — папа Пий IV в отношении постановлений Тридентского собора. В Германии запрещение толкования закона не раз обсуждалось в течение XVIII в. Наполеон I пришел в ужас при известии о появлении первого комментария на его Кодекс.³⁹ Противниками судебного толкования были Ш. Монтескье и Ч. Беккариа.

Однако жизнь убеждала, что толкование права, в том числе и определяющее условия его применения, — необходимый момент практического функционирования права как формы социальной коммуникации. Многочисленные примеры в подтверждение этого неоднократно приводились в литературе. В свое время в Болонье был издан закон, предписывающий «наказывать с вели-

³⁸ *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 63.

³⁹ *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Рига, 1924. С. 727–728.

чайшей суровостью всякого, кто станет проливать кровь на улицах». Случилось так, что один из горожан упал на улице в приступе болезни. Проходящий мимо врач для спасения жизни пациента вынужден был сделать кровопускание. Следование букве закона требовало сурового наказания врача. Однако это настолько противоречило смыслу и подлинной цели закона, что врач от ответственности был освобожден.⁴⁰

Но признание необходимости толкования закона исходя из его смысла порождает новые трудности, связанные с определением сути процедуры толкования. Так, на протяжении многих веков шел спор о том, чья мысль или воля должна быть интерпретирована: воля законодателя или воля самого закона?

Если право отождествляется с законом, выражающим волю законодателя, то ответ предопределен: толковаться должна воля (мысль) законодателя, т. е. то, что он сказал или хотел сказать. На этом основывался так называемый экзегетический метод толкования, суть которого выражается в двух предложениях: «Все право вмещается в писанный закон; юрист должен просто извлечь его оттуда, следуя за волей законодателя».⁴¹ Такая позиция является классической и для так называемого аналитического позитивизма, имеющего большое распространение в современном англоязычном мире.

Но если сам закон понимается не просто как воля (произвол) законодателя, т. е. не как то, что он сказал или хотел сказать, а как то, что он *должен был сказать*, исходя из правовой природы вещей, принципов права, идеи права, идеи справедливости, верховенства воли народа и т. д., то в таком случае закон должен истолковываться с учетом этих идеальных критериев. И тот, и другой вариант отражены в теории и в правовой действительности функционирования различных правовых систем.

⁴⁰Пример заимствован из книги: *Черданцев А. Ф.* Толкование права // *Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. Т. 2. Теория права.* М., 1998. С. 326.

⁴¹*Бержель Ж.-Л.* *Общая теория права.* М., 2000. С. 425.

Например, по мнению знаменитого американского правоведа Р. Дворкина, процесс толкования права — это процесс соединения прошлого (намерения законодателя) с настоящим (с точкой зрения современных моральных принципов, т. е. того, что сегодня в данном конкретном обществе считается справедливым). При этом приоритет, по мнению Р. Дворкина, должен быть отдан современности. Иначе говоря, судья, применяющий закон в новых исторических условиях, не связан его явно выраженным языковым содержанием. Он должен раскрыть идеал, ради которого был принят закон.

Любая интерпретация текста, в том числе текста правового, есть коммуникативный и диалогический процесс, обусловленный «субъектным фактором» и принципиально допускающий различные интерпретации при различных исторических и социальных обстоятельствах. Они обусловлены также относительностью любых знаковых систем.⁴² Не случайно один и тот же текст американской конституции на протяжении двухсот

⁴²Слова, на которых построена вся наша культура, «не имеют и не могут иметь атомарного смыслового содержания. Стало возможным... говорить о размытых смысловых полях слова, над которыми задана функция распределения вероятностей, и о человеке как вероятностном приемнике... Стало ясно, что метафора — это не безжизненный рудимент, а необходимая составляющая нашего языка. Метафора — отказ от формальной логики, точнее, отказ от одного из ее основных законов — закона исключенного третьего. Принцип дополненности Бора — это открытое признание необходимости метафорического мышления в науке... И, более того, любая научная теория — это только метафора: описываемое явление ведет себя так и не так, как предписывает теория... Что такое смыслы, значения слова? Это единичные объекты, их свойства и отношения, классы объектов, свойств и отношений. Совокупность всего этого — типология Мира, его общего разнообразия. Каждому слову сопоставляется пятно в типологии Мира. Размытость этого пятна всегда воспринималась как дефект языка. Везде, будь то в науке или в юриспруденции, мы стараемся как можно резче оконтурить это пятно, подразумевая дискретность не только индивидов, но и таксонов. Идеал — поставить во взаимно однозначное соответствие дискретные таксоны и дискретные слова. Стремление к такой однозначности языка проходит от Аристотеля через схоластиков к логическому позитивизму... Вероятностная модель языка смиряется с размытым смысловым полем слова» (*Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* *Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного.* М., 1995. С. 17).

лет интерпретировался по-разному, и этот процесс не прекратится и в будущем до тех пор, пока не прекратит свое действие сама конституция.

Для интерпретации правовых текстов прибегают к специальным приемам, способам толкования. Выделяют следующие основные способы толкования: филологический, систематический, логический, исторический, функциональный.

Филологический способ толкования называют также грамматическим, языковым, словесным, текстовым. Объектом филологического толкования права являются тексты различных правовых актов, в первую очередь актов, содержащих нормы права (нормативно-правовых актов). Филологический способ толкования включает в себя лексическое и синтаксическое толкование.

Лексическое толкование заключается в уяснении словарных значений отдельных слов, содержащихся в правовых актах, и их терминологического смысла. Юридической наукой выработан ряд правил лексического толкования, идентичных правилам, применяемым при установлении законодательных дефиниций:

1) словам и выражениям следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем языке, если нет оснований для иной их интерпретации; придание словам значения, отличного от общеупотребительного, должно быть обосновано;

2) если законодатель сам определил значение термина, то именно в этом смысле и следует его употреблять;

3) значение термина, установленное законодателем для конкретной отрасли права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие;

4) если законодатель не определил значение термина, то следует ему придавать тот смысл, в котором он употребляется в юридической науке и практике;

5) идентичным формулировкам одного и того же закона нельзя придавать разное значение, если это не вытекает из самого закона;

6) нельзя придавать без достаточных оснований разным терминам одинаковое значение;

7) недопустимо такое толкование, при котором отдельные слова закона трактовались бы как лишние.⁴³

Синтаксическое толкование — толкование, основанное на правилах сочетания слов в предложении. Особое внимание при данном способе толкования уделяется употреблению соединительных и разделительных союзов, а также различным формам глаголов и причастий. Хорошо известно, что от того, где будет стоять запятая в предложении «*Казнить нельзя помиловать*», зависит его смысл. Филологический способ толкования является основным, с него начинается любой процесс толкования правовых текстов.

Логический способ толкования — предполагает использование логических приемов и логических законов для уяснения смысла правовой нормы. Обычно используются такие приемы, как логическое преобразование, сравнение, анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, индукция и дедукция, аналогия; и такие формально-логические законы, как закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания.

Систематический способ толкования основан на структурированности правовых текстов. Смысл статьи правового акта иногда может быть найден и обоснован только после обращения к другим статьям, в которых содержатся, например, искомые определения юридических терминов. Ссылочные и бланкетные статьи также не могут быть поняты без обращения к тем статьям, на которые они ссылаются.

Систематический способ толкования используется при сравнении общих и специальных норм. В юриспруденции действует правило, в соответствии с которым специальные нормы ограничивают сферу действия общей нормы. Например, ст. 80 Семейного кодекса РФ обязывает родителей материально содержать своих несовершеннолетних детей. Статья 120 того же Кодекса делает из этой статьи изъятие, определяя, что в случае эмансипации (приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до

⁴³Черданцев А. Ф. Толкование права. С. 328–329.

достижения ими совершеннолетия) такая обязанность с родителей снимается.

Исторический способ толкования помогает установить смысл правовой нормы исходя из условий ее возникновения. При этом интерпретатор опирается на знания о конкретно-исторических условиях, причинах и поводах, вызвавших принятие толкуемого акта, для того, чтобы уточнить и понять его смысл. Наибольшее значение имеют обстоятельства, относящиеся к правотворческому процессу: проекты нормативных актов, объяснительные записки к ним, обсуждение их в законодательных органах и в печати.

Функциональный (социологический) способ толкования основывается на знании условий, в которых функционирует (действует, применяется) толкуемая норма права. При функциональном толковании для уяснения содержания норм права используются характеристики и оценки различных аспектов конкретно-исторической реальности, знания о социальных условиях (политических, нравственных, бытовых и т. д.) функционирования первичных правовых текстов, т. е. происходит обращение к внешним по отношению к самой системе норм права источникам информации и критериям оценки содержания норм права.⁴⁴

При функциональном толковании используются оценки и аргументы, относящиеся к сфере политики, правосознания, морали. Прежде всего это относится к толкованию

⁴⁴Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 131–132.

оценочных терминов, таких как «уважительные причины», «добросовестные действия», «существенный вред», «корыстные мотивы», «равные возможности», «разумность», «справедливость» и т. д.⁴⁵ Эти термины невозможно формализовать, сделать однозначными и независимыми от социального контекста. Но и отказаться от них невозможно, поскольку право вообще не является полностью формализуемой системой и в значительной мере опирается на универсум ценностных представлений общества, «живущих» в естественном языке.

Язык, на котором говорят как граждане, так и юристы, язык, на котором пишутся законы и общаются в суде, — этот язык существует по своим собственным законам. Знание этих законов и умелое их использование — необходимое условие успешной юридической деятельности.

⁴⁵В литературе иногда выделяют и другие способы толкования, например *специально-юридический* и *телеологический*. Однако их существование в качестве самостоятельных способов является дискуссионным (см., напр.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 77–83).